

Редакторы-составители

Д.А. Жуков и И.И. Ковтун

Рецензенты

А.В. Репников,

*доктор исторических наук, заместитель начальника отдела
Центра документальных публикаций Российского государственного
архива социально-политической истории (РГАСПИ)*

Оформление переплета М. Левыкина

П 61 Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма: [Сборник] / редакторы-составители Д.А. Жуков и И.И. Ковтун. — Москва : Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. — 464 с.

ISBN 978-5-6043328-3-2

В настоящий сборник вошли статьи и ранее не публиковавшиеся документы из отечественных и зарубежных архивов, посвященные различным аспектам отечественного коллаборационизма на территориях, оккупированных Германией и ее союзниками. Авторский коллектив предпринял попытку с разных сторон рассмотреть и проанализировать отдельные проявления предательства и пособничества врагу в годы Второй мировой войны.

Издание ориентировано не только на профессиональных историков, но и на всех читателей, интересующихся данной проблематикой.

УДК 930

ББК 63.3(2)62

© Жуков Д.А., Ковтун И.И.,
Синицын Ф.Л., Ковалев Б.Н.,
Дробязко С.И., Куберский Х.,
Самцевич А.А., Белков А.Н.,
Грибков И.В., Митрофанов С.А., 2020
© Издательство «Пятый Рим»™, 2020
© ООО «Бестселлер», 2020

ISBN 978-5-6043328-3-2

«МЕСЯЦ В ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ» ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Д.И. ХОДНЕВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПУБЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИИ ОЛЕГА БЭЙДЫ

Несмотря на столетие трагических событий, ставших определяющими для всего русского XX века, в популярной памяти история русской эмиграции нередко низводится до банального факта поражения в Гражданской войне. Упрощенное понимание таково: «золотопогонники» уперлись в тупик собственного выбора, и, работая таксистами или метрдотелями где-то в Париже или Берлине, лишились смысла жизни, а затем постепенно вымерли.

Реальность истории на поверку оказывается сложнее. Да, белые действительно «уперлись», и военная эмиграция стала наиболее собранной и организованной силой, флагом и ядром этого «другого мира». Изгнание не воспринималось вечным, и из года в год предрекался скорый крах рабоче-крестьянской власти, неизбежный, как и следующее за ним возвращение. В наиболее радикальной форме эти чувства проявились в годы Второй мировой войны. Периодически появляющиеся в исторической литературе суждения об эмигрантах в 1939–1945 гг. как в основном «оборонцах» — т.е. людях, выступающих против иностранной агрессии в отношении СССР, анти-интервенционистах — не имеют под собой документальной основы. Напротив: Русский общевоинский союз (РОВС), иные военизированные организации, а также частные лица предприняли относительно скоординированные попытки принять участие в новом мировом конфликте, но вовсе не на стороне блока Союзников¹.

Разумеется, следуют два вопроса: чего хотели эти люди, и что же ими двигало? Когерентного понимания того, какой же должна быть «будущая Россия», у военных эмигрантов, имевших богатую палитру политических убеждений, не было. Единственная попытка сформулировать политическую линию, известная

¹ *Голдин В.И.* Генералов похищали в Париже. Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. Монография. М., 2016. С. 694–710.

как «кредо РОВС», была предпринята в начале 1934 г., однако и она оказалась столь же неконкретна в изложении желаемого образа будущего². Как и в 1917–1920 гг., белые стояли на позиции «армия вне политики» и держались за принцип «непредрешения». Из-за этого им трудно было соперничать с более последовательными и радикальными идеологиями того времени, будь то справа или слева. Хотя внешне непредрешение может выглядеть недальновидным, по сути, только подобное отсутствие предопределенности как в годы Гражданской войны, так и в последующий период пребывания за пределами бывшей Российской Империи было единственным компромиссом, к которому могли прийти разнящиеся политически фракции бойцов антибольшевистского сопротивления.

Белое движение было ничем иным как реактивным антибольшевизмом, феноменом, возникшим лишь как вооруженный ответ на (удавшуюся) попытку насильственной перекройки старого государства и образа жизни. «Белая идея», которую старались облечь в слова мыслители уже в изгнании, в своей сути также была реактивной. Пол Робинсон метко сравнивал чинов РОВС с солдатами немецких фрайкоров (добровольческих корпусов, выступавших против «красной угрозы»). Как и русские белые, фрайкоровцы, понимавшие себя только через призму неоконченной ими войны, не породили никакой законченной идеологической доктрины, хотя и были немецкими ультра националистами. Как и русские белые, немецкие ветераны жили в мире отрицаемого ими поражения и не знали другой «правды жизни», кроме борьбы, питавших их уз окопного товарищества и «активизма», венчаемого широко понимаемым грядущим «духовным возрождением»³.

В среде эмигрантов, многие из положений за десятилетия изгнания приобрели законченный, ригористический, почти религиозно-сакральный характер. Учитывая, что у кормила стояли военные, т.е. люди, естественно склонные и привыкшие к дисциплине и субординации, в сухом остатке вооруженный

² *Robinson P. The White Russian Army in Exile, 1920–1941. Oxford, 2002. P. 171–172.*

³ *Filaretow B. «Die Baltische Brüderschaft. Wider den Zeitgeist?» // Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich. Band 1. 2., durchgesehene und ergänzte Auflage / Hrsg. von M. Garleff. Köln, Weimar, Wien, 2008. S. 14–15.*

антибольшевизм стал для многих белогвардейцев единственным смыслом прошлого и настоящего, и путеводной звездой в будущее, и единственной «политической» программой. Чистое последовательное отторжение большевизма, известное как «непримиримость», сопрягалось с мотивирующим желанием свержения последнего военными средствами, используя для этого пусть даже и иностранную интервенцию («пораженчество»). Эти чувства привели эмигрантов к участию в Гражданской войне в Испании, а чуть позже — в Советско-финляндской⁴. По причине этих же установок, идея защиты СССР от внешнего противника «пораженцам» виделась как абсурдная.

К моменту прихода НСДАП к власти, в Германии проживало порядка 50 000 русских эмигрантов, примерно пятая часть которых находилась в столице⁵. На сегодня доказано, что на заре своего движения нацисты, в том числе первые лица, ограниченно, но активно сотрудничали с белоэмигрантами⁶. Однако после того как «коричневые рубашки» взяли власть, попутчики или тем более претендующие на часть политического влияния кадры в их глазах исчерпали кредит своей полезности. Уже к середине 1930-х от взаимной благожелательности осталось лишь воспоминание, а место кооперации занял пристальный контроль всех сторон жизни диаспоры⁷.

Нацисты не стремились прекратить существование русских анклавов, за исключением евреев, выходцев из России, чья жизнь и права старательно и жестко ограничивались⁸. В политическом смысле, в «новой Германии» русский национализм будущего не имел⁹. Даже нацисты эмигрантского разлива были не более

⁴ Семенов К. К. Русская эмиграция и гражданская война в Испании, 1936–1939 гг. М., 2016.

⁵ Glad J. *Russia Abroad: Writers, History, Politics*. Tenaflly, NJ, Washington, DC, 1999. P. 305.

⁶ Kellogg M. *The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945*. Cambridge, 2005.

⁷ О состоянии русской жизни в Берлине до 1939 г.: Dodenhoeft B. «Laßt mich nach Rußland heim»: Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, 1993. S. 56–88.

⁸ Будницкий О., Полян А. *Русско-еврейский Берлин (1920–1941)*. М., 2013.

⁹ Чистяков К. А. «Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930-х годов» // *Русский Берлин 1920–1945: Международная научная конференция* / под ред. Л. С. Флейшмана. М., 2006. С. 406–422.

чем блеклым подражанием настоящей партии Гитлера, хотя и эти люди безусловно вносили своеобразный колорит, коль скоро правый политический фланг в мире русского рассеяния был традиционно силен¹⁰. Аполитичным же эмигрантам, содержавшим свой ресторан, булочную или просто работавшим клерками, как правило, было нечего бояться¹¹.

Для всех остальных, в том числе военных, в середине мая 1936 г. было создано УДРЭ — Управление делами русской эмиграции (*Russische Vertrauensstelle*), главой которого был назначен старый знакомый нацистов, харизматичный и лояльный любитель политических интриг генерал-майор Василий Викторович Бискупский¹². РОВС, имевший даже свою контрразведку, но формально не подчинявшийся никакому политическому центру, не мог вызывать полновесного доверия новых властей. Под давлением немцев, в конце октября 1938 г., после долгих консультаций и обсуждений, II (германский) отдел РОВС был преобразован в «независимое» Объединение русских воинских союзов (ОРВС). Тайная государственная полиция такой унифицирующий ход вещей одобрила¹³. С оккупацией европейских стран, несколько отделов (чешский, польский) вошли в ОРВС; другие отделы (югославский, бельгийский) было предложено к нему присоединить.

В каком положении находился РОВС к началу Второй мировой войны? Ситуацию следует рассматривать в нескольких плоскостях. Структурно и содержательно, Союз представлял собой фактически кадрированную армию до 40 000 членов, с мотивированным личным составом, география проживания которого простиралась вплоть до Австралии и Бразилии. На деле же, в силу разных причин, далеко не все из указанных десятков тысяч были

¹⁰ *Jdanoff D.* «Russische Faschisten»: Der nationalsozialistische Flügel der russischen Emigration im Dritten Reich. Humboldt-Universität zu Berlin, Philosophische Fakultät I (Magisterarbeit), 2003.

¹¹ *Шлегель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945). М., 2004. С. 195.

¹² *Dodenhoeft B.* «Vasilij von Biskupskij — Eine Emigrantenkarriere in Deutschland» // *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg*, Hrsg. von K. Schlögel. Berlin, 1995. S. 219–228.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 458. Оп. 9. Д. 118. Л. 193–194. «Lagebericht für den Monat November 1938», Geheime Staatspolizeiamt B-Nr. 2114/38g, II A 4, 8 декабря 1938.

готовы броситься под ружье в случае нового столкновения, и по факту лишь меньшинство чинов проводили в жизнь эмигрантский «активизм».

Советской властью РОВС воспринимался как реальный противник, свидетельством чему стали спецоперации Москвы¹⁴. Подрывная работа имела мощный дезорганизирующий эффект: похищение председателя Союза, генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера, в 1937 г. из-за предательства генерал-майора Николая Владимировича Скоблина вызвало шок¹⁵, за которым последовал кризис власти. Избранный после долгих совещаний новый руководитель, генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский, был очень опытный администратор, но посредственный политик¹⁶.

Наконец, если сравнивать РОВС/ОРВС с другими организациями, оба военных организма выгодно выделялись на общем фоне. Союз был своеобразной если не «кузницей», то «складом» кадров с каким-никаким опытом, могущих быть полезными. Прочие «общества чашек чая, взаимного обожания»¹⁷ не могли похвастать даже теоретическим силовым потенциалом. Будущая глобальная война против СССР должна была стать проверкой на прочность для организации, а для рядовых членов — единственной возможной компенсацией за унижение проигрыша в Гражданской войне и многолетние мытарства в изгнании¹⁸.

По мнению полковника Митрофана Ивановича Бояринцева, ситуация осложнялась тем, что РОВС недоставало единой доктрины на случай войны, что приводило к отсутствию общего политического решения. Парадоксально, но в этом же заключалась и сила Союза как организации: единственной сутью был безоговорочный широко понимаемый антибольшевизм, что вело к ситуативной пластичности и расширяло горизонт возможных дей-

¹⁴ Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Грест» и русская зарубежная печать. М., 2003.

¹⁵ О Скоблине в РОВС: *Jordan P. A. Stalin's Singing Spy: The Life and Exile of Nadezhda Plevitskaya*. London, 2016. P. 128–150.

¹⁶ Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive. Mitrofan Ivanovich Boiarintsev Papers. Бояринцев М.И. Эпоха 1937–1965 гг. С. 1–4, 8.

¹⁷ Выражение Бориса Алексеевича Хольмстон-Смысловского.

¹⁸ *Keene J. Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain during the Spanish Civil War, 1936–39*. London, 2001. P. 207–208.

ствий. РОВС был вполне в состоянии поставить несколько тысяч своих членов в армию державы-интервента¹⁹. Вопрос состоял в том, насколько интересы «принимающей стороны» будут совпадать с интересами русской диаспоры.

Уже весной 1941 г. руководство ОРВС, не сомневаясь в скорой войне между Германией и СССР, предприняло попытки встать под германские знамена и закрепить за изгнанниками право участвовать в грядущем конфликте²⁰. Наибольшую известность получил адрес начальника ОРВС, генерал-майора Алексея Александровича фон Лампе, который тот 21 мая 1941 г. направил главнокомандующему сухопутных войск (ОКХ) генерал-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу²¹.

На тот момент ответом белоэмигрантов не удостоили. Со взлетом первых немецких сигнальных ракет в воздух 22 июня 1941 г., русских изгнанников, и особенно военных, охватили надежды на продолжение (и теперь уже победоносное окончание) Гражданской войны. Многостраничная частная переписка чинов РОВС/ОРВС, статьи во внутренних журналах, листках и бюллетенях, с которыми ознакомился автор настоящих строк в различных архивохранилищах, показывают почти полное отсутствие хоть сколь бы то ни было заметных «оборонческих» настроений в среде военной эмиграции²².

С началом военных действий, немцы обеспечили эмиграции «ледяной душ» в виде превентивных арестов, произведенных Службой безопасности (СД) в Бельгии и Франции в рамках опера-

¹⁹ Автору известны германские документы, указывающие на то, что I (французский) отдел РОВС предлагал поставить до 3000 членов в вермахт. Развития идея не получила.

²⁰ Семенов К.К. «Берлинский узел РОВСа (1920-1945)» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2012 / под ред. Н.Ф. Гриценко. М., 2012. С. 38-39.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-5796. Оп.1. Д. 3. Л.142.

²² К подобному мнению склоняются и другие исследователи: Цурганов Ю.С. История антибольшевистской эмиграции в годы Второй мировой войны в документах Государственного архива Российской Федерации // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10-14 сентября 2011 года. Сборник статей и материалов / Сост. К.М. Александров, О.А. Шевцов, А.В. Шмелев. СПб., 2012. С. 287-300.

ции «Солнцестояние» (*Sonnenwende*)²³. Эти акции посеяли непонимание в высших кругах, и начальство РОВС тщетно старалось вымолить свободу брошенным за колючую проволоку. Помощник Архангельского, генерал-лейтенант Павел Алексеевич Кусонский, пал жертвой этих экзерсисов: германская охрана концлагеря Бреендонк «мотивировала» 61-летнего старика лучше работать с помощью унижительных избиений дубинками, и 26 августа 1941 г. он скончался²⁴.

Однако даже эти факты не сбили общий градус настроя. Хотя проживавший в Париже начальник штаба Русской армии, генерал-лейтенант Павел Николаевич Шатилов, и был в числе брошенных немцами в концлагерь, в своих воспоминаниях он открыто писал: «Создавалась надежда на ликвидацию преступной власти в России, так как на серьезное сопротивление Красной армии никто почти не рассчитывал. Первые успехи немцев и заявление одного из немецких журналистов, что через 4 месяца Германские армии достигнут Урала, поднимали настроение. Большинство желало и верило в окончательную победу немцев и в поражение Советской России. Уже многие мечтали вернуться на Родину»²⁵.

Победы вермахта умножались на собственные патриотические иллюзии, в их преломлении прошлые битвы и перенесенные страдания приобретали новый смысл. Особое место в сознании эмигрантов занимала фигура генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля. Воспоминания о Гражданской войне и главнокомандующем давали людям возможность снова почувствовать себя «прежними “орлами”», что давало им силы стойко переносить невзгоды. Все ждали возвращения в Россию и возможности продолжить борьбу с большевиками»²⁶. Однако Врангель был давно мертв, поэтому оставалось лишь гадать о его воз-

²³ *Coudenys W.* Leven voor de tsar: Russische ballingen, samenzweerdere en collaborateurs in België. Leuven, 2004. P. 248.

²⁴ *Deem J. M.* The Prisoners of Breendonk: Personal Histories from a World War II Concentration Camp. New York, 2015. P. 141-142.

²⁵ Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive. Pavel Nikolaevich Shatilov Papers, Box 10, Memoirs, Folder «Vtoraia mirovaia voina: do obrazovaniia 2-go fronta». P. 1909.

²⁶ *Кронер Э.* Белая армия, Черный барон: жизнь генерал-лейтенанта Петра Врангеля. М., 2011. С. 146.

можной позиции. Начальник Юго-восточного отдела ОРВС, капитан I ранга Яков Иванович Подгорный, выступая в начале июля перед соратниками и одобряя нападение Германии, произнес: «Мы ведь должны помнить, что и генерал Врангель для борьбы с большевиками завещал нам идти по пути объединения, а не разъединения антибольшевистских сил». Похожую сентенцию озвучил в одном из своих писем в середине августа председатель правления Общества галлиполийцев, генерал-майор Михаил Михайлович Зинкевич: «Думается, что будь жив теперь генерал Врангель, он, не задумываясь, пошел бы с немцами»²⁷.

Пребывая в обманчивых мечтах относительно собственной значимости, эмигранты жарко спорили, когда же немцы обратятся к эмиграции как таковой и начнут формировать русские части, засыпая своих начальников корреспонденцией. Фон Лампе пришлось уйти в неоплачиваемый отпуск, чтобы банально прочесть все депеши. Уже в начале июля он сетовал: «Мне пишут со всех сторон, все предлагают свое содействие, свои силы... Пишут горячо, нервно. Пишут, предполагая, что мы уже в деле, чуть ли не в бою...»²⁸. Главы ОРВС и РОВС предпринимали неубедительные попытки охладить горячие головы, но зачастую не могли предложить ничего конкретного, кроме того, что нужно ждать развития ситуации.

Чувства усиливались тем, что эмигранты пребывали в почти стерильном информационном поле. На момент лета 1941 г. единственным источником новостей была пропаганда, т.е. статьи в германской прессе и бравурная военная кинохроника *Die Deutsche Wochenschau*, которой они с жадностью внимали, желая посмотреть на родные пейзажи. Лишь изредка возникали глубоко частные проявления страха или растерянности относительно будущего²⁹. Очевидно, что в информационном вакууме подоб-

²⁷ *Beyda O.* «Re-Fighting the Civil War»: Second Lieutenant Mikhail Aleksandrovich Gubanov // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 66. Bd., H. 2, 2018. S. 254.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 134.

²⁹ 13 июля 1941 г. дипломат Ульрих фон Хассель записал в дневнике: «На меня вышел берлинский представитель национал-социалистической организации русских белоэмигрантов. Он пребывал в полном отчаянии, поскольку он и его друзья все поставили на немцев. Он пришел к выводу, что война ведется не против большевизма, а против русского народа. Наиболее убедительным свидетель-

ная неуверенность подавлялась и компенсировалась религиозно-мистическими трактовками, общей верой в лучшее будущее и принципиальным антибольшевизмом, служа своеобразной анестезией. Дополнительным фактором были циркулировавшие совершенно оторванные от реальности слухи (например, что Гитлер желает восстановить в России монархию). Конечным результатом всей затянувшейся страды должна была стать некая «национальная Россия» — какая конкретно, эмигранты и сами, по большей части, не знали, предпочитая сосредоточиться на участии в борьбе за нее «здесь и сейчас», не в силах задаться вопросом или тем паче поверить, что война ведется вовсе не согласно их чаяниям.

Некоторые русские упирали на чуть ли не альтруистический характер гитлеровской агрессии: немцы-де идут нам помочь, продолжая начатое белыми в годы Гражданской дело; уничтожая большевизм, они открывают дорогу к «национальному возрождению» и вековечному союзу новых России и Германии, за что нужно быть признательными; через несколько месяцев все будем дома и начнем налаживать новую жизнь, а значит без нас немцы никак не обойдутся³⁰. Зинкевич в середине сентября 1941 г. делился своим видением будущего: «Во всяком случае, мы должны быть глубоко благодарны А. Гитлеру за то, что он взялся искоренить эту чуму в самой ее цитадели. И я лично полагаю, что в памяти народной будет поставлен памятник Гитлеру»³¹.

До памятников, как и до массового привлечения белогвардейцев, дело не дошло. Ни о каком взаимном уважении в паре отношений «нацисты-белоэмигранты» говорить не приходится: к службе подобных кадров высшее командование и лично Гитлер относились отрицательно и на протяжении весны-лета 1941 г. (о чем эмигранты не могли знать) на применение этой малень-

ством тому факт, что Розенберг, смертельный враг русских, был поставлен во главе гражданской администрации». *Hassell U. v. The Von Hassell Diaries 1938–1944. The Story of the Forces against Hitler inside Germany, as Recorded by Ambassador Ulrich von Hassell, A Leader of the Movement.* Westport, CT, 1971. P. 200.

³⁰ Похожие речи произносились в Муниципальном доме в Праге 6 июля 1941 г. на собрании русских организаций. Зал Сметаны, вмещавший около 1500 человек, был заполнен русскими эмигрантами. См. речи в: ГАРФ. Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 11. «Морской Журнал». Июль 1941 г. № 145(2). С. 2–20.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 55. Л. 49.

кой группы иностранцев в вермахте несколько раз накладывали запрет³². Параноидальное недоверие нацистов проистекало из идеологической предопределенности того, чем должен был стать «Восточный поход». Война за колонии не предполагала ни политической субъектности «порченных» в расово-политическом отношении «восточных народов», ни воцарения «бывших людей», приехавших из Европы (хотя мотивация большинства эмигрантов была далека от реституции)³³. Ни в консультации, ни в проектах русских националистов, бывших себе на уме, немцы заинтересованы не были³⁴. На свой запрос фон Браухичу (а позже и Гитлеру) фон Лампе получил в августе 1941 г. единый лаконичный ответ: «В настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии»³⁵. Теперь желающие пробиться на фронт чины РОВС/ОРВС должны были делать это самостоятельно, в частном порядке вступая в вермахт.

Оккупационной машине, с трудом переваривавшей уже откушенное от сталинского царства, нужны были свободно владевшие языком переводчики³⁶, пропагандисты, знающие местную

³² Запись в дневнике штаба оперативного руководства ОКВ о создании оккупационного режима на территории Советского Союза. 3 марта 1941 г. // 1941 год: в 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 709; Förster J. The «Crusade» Aspect // Germany and the Second World War. Volume IV: The Attack on the Soviet Union. N.Y., 1999. P. 1051; Dallin A. *Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie in Besatzungspolitik*. Düsseldorf, 1958. S. 123.

³³ Литература относительно политико-экономических планов нацистов крайне обширна. См., напр.: Kay A. J. *Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941*. New York, Oxford, 2006; Zellhuber A. «Unsere Verwaltung treibt einer Katastrophe zu...»: Das Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete und die deutsche Besatzungsherrschaft in der Sowjetunion, 1941–1945. München, 2006.

³⁴ Синицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2017. С. 107.

³⁵ Семенов К.К. «Моей ненависти к большевикам я не изменю»: Алексей фон Лампе как зеркало военной эмиграции // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2016. Вып. 1. С. 85.

³⁶ Незадолго до начала «Барбароссы», отдел генштаба Иностранные армии Восток (*Fremde Heere Ost*) поставил переводчиков для разведотделов: главнокомандующий армией резерва (*Ersatzheer*) генерал-полковник Фридрих Фромм пообещал поставить в армию 900 переводчиков, однако из этого числа удалось найти лишь 100. Из них 50 были сразу же забраны для нужд верховного командования вермахта (ОКВ). Из оставшихся 50 тридцать неудовлетворительно владели

специфику разведчики, умелые рабочие руки, инженеры, врачи³⁷. Так, «на безрыбье», эмиграция, пусть и политически проблематичная, оказалась готова на время заполнить зияющие пустоты. Плюс определенная лазейка возникла из-за тоталитарной поликратии и борьбы институций в государстве Гитлера, где на запрет одного министерства приходилось ограниченное разрешение какого-нибудь другого чиновника из конкурирующего ведомства. Так несколько тысяч³⁸ эмигрантов смогли обойти возведенные преграды и проникнуть на германо-советский фронт. Оскал германской политики многие из них разглядели только по прибытии на оккупированные территории³⁹. Именно переводчики вермахта из числа эмигрантов, свидетели несомного солдатами Адольфа Гитлера «освобождения», к концу 1941 г. стали источником новостей: через них в диаспору проникли сведения о бесчеловечном обращении с населением и оголодавшими военнопленными, о казнях и грабежах⁴⁰.

языком и были бесполезны, поэтому лишь 20 переводчиков оказались в рядах армии. Иначе говоря, от изначального числа 900 было предоставлено лишь 2,2% обещанной силы. *Pahl M. Fremde Heere Ost. Hitlers militärische Feindaufklärung. Berlin, 2012. S. 194–195; Schustereit H. Planung und Aufbau der Wirtschaftsorganisation Ost vor dem Rußlandfeldzug-Unternehmen «Barbarossa» 1940/41 // VSWG: Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 70. Bd., N. 1, 1983. S. 67.*

³⁷ Даже Альфред Розенберг, принципиальный противник эмигрантов, признавал эту нужду. См.: Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. / под ред. *И. Петрова*; пер. с нем. *С. Визгиной, И. Петрова*; коммент. *С. Визгиной, А. Дюкова, В. Симиндея, И. Петрова*; предисл. *А. Дюкова*; сопр. ст. *И. Петрова*. М., 2015. С. 283, 321, 339. См. также: *Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Особый штаб «Россия». М., 2011. С. 66–78; *Петров И.Р.* Самая крупная шпионская афера Второй мировой войны? «Донесения Макса» и их контекст // Спецслужбы Третьего рейха. Неизвестные страницы / под ред. А.И. Колпакиди. М., 2018. С. 437–472.

³⁸ Считается, что численность эмигрантов на германо-советском фронте составляла около 5000 человек. По состоянию на май 1943 г., УДРЭ в Берлине направило 1200 переводчиков в вермахт. Еще около 1500 человек из Франции присоединились к усилиям немцев. *Schlögel K. Berlin: «Stepmother» Among Russian Cities // Russian-German Special Relations in the Twentieth Century: A Closed Chapter? / ed. By K. Schlögel. Berg, Oxford, New York, 2006. P. 62.*

³⁹ О жизни оккупантов и повседневности насилия см.: *Lehnstaedt S. Okkupation im Osten: Besatzeralltag in Warschau und Minsk 1939–1944. München, 2010; Леништедт Ш.* Минский опыт: немецкие оккупанты и повседневная жизнь в столице Белоруссии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 4(108), 2016. С. 185–205.

⁴⁰ *Войцеховский С.Л.* Трест. Воспоминания и документы. Канада, 1974. С. 172; *Baur J. Die russische Kolonie in München 1900–1945: deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 1998. S. 313.*

Осознание неверной оценки намерений немцев ставило изгнанников в тупик: почти невозможно было отказаться от выпестованной за 20 лет системы ценностей, но и ее соразмерность идущей войне была нулевой — отстав от времени, будучи закольцованной идеологией отдельной группы, она просто ничего не объясняла. Кроме того, в мире не было второй силы, которая вела бы активную борьбу против советского государства, в чем состоял смысл жизни изгнанников.

Меж тем, надежды на лучшую долю и скорый крах этого самого государства продолжали обращаться в прах, что было болезненно. Так как их нечем было заменить, многие из служивших эмигрантов удовлетворились превратным пониманием собственной роли в смертельной борьбе нацистской Германии и Советской России, продолжая веровать в конечное торжество доброй воли вермахта и высшую силу⁴¹. Так активные «пораженцы», зажатые между собственной трагедией и клятвой ненависти, запутавшись и живя давным-давно изжившими себя максимумами, стали соучастниками колониального похода за «жизненным пространством на Востоке». Эта противоречивая, болезненная, ныне забытая страница русского прошлого стала одновременно и лебединой песней в военной истории Белой армии, изгнанные, но не сломленные солдаты и офицеры которой 20 лет ждали — и в некоторой форме дождались — реванша.

⁴¹ Достаточно ярко это выразил Ростислав Завадский в своей дневниковой записи от 20 декабря 1941 г.: «Не ропщут несчастные пленные солдаты, терпящие побои и ужасное обращение, еще не виданное нигде. Не ропщут дерущиеся на фронте красноармейцы,двигаемые какой-то страшной и не вполне еще мне понятной силой, — отвратительно одетые и обутые и, казалось бы, не имеющие тех высоких идеалов, за что стоит драться. Или, может, я ошибаюсь, произошла какая-нибудь перемена, что-то сдвинулось? Не ропщут расстреливаемые партизаны, они идут на смерть спокойно и умеют красиво умирать. Они не просят пощады и знают, что их ждет через несколько минут смерть, от выстрела сзади за ухом. Страшную, непостижимую силу имеет народ русский. С этой силой не справиться ни одному народу в мире. [...] Гремят орудия, сыплют свои бомбы авионы, лезут всеокрушающие танки, а фронт уже сколько времени не меняется, а если и меняется, то не в пользу немцев. [...] Но как же быть мне, русскому офицеру? Мое место там, где отстаиваются интересы Государства Российского. Первое дело — это свержение коммунистической власти и освобождение народа русского. А если это дело уже сделано?! Господь послал меня сюда, он же покажет дорогу и дальше». См.: *Завадский Р.В. Своя чужая война. Дневник русского офицера вермахта 1941–1942 гг. / ред.-сост. О. И. Бэйда. М., 2014. С. 140–141.*

Количество доступных исследователю исторических источников по теме отличается ограниченностью. Хотя изредка и выходят мемуары гражданских эмигрантов, переживших Вторую мировую и оккупацию в Европе⁴², источники военного свойства все столь же исчезающе малочисленны. Можно отметить, что в одной из работ были впервые приведены отдельные письма чинов РОВС, отправленные в период нахождения на фронте⁴³. Была опубликована часть литературного наследия некоторых деятелей эмиграции, служивших в рядах вермахта в годы войны, или авторов, описавших подобных опыт в полудокументальной прозе⁴⁴. Публикации подверглись отдельные отлакированные мемуары, ранее напечатанные в зарубежье⁴⁵, доселе вообще недоступные воспоминания из различных архивохранилищ и частных собраний, представленные фрагментарно и целиком⁴⁶, а также редкие отчеты времен войны⁴⁷.

⁴² *Роцин Н.Я.* Парижский дневник / Сост., ред. и авт. предисловия *Л.Г. Голубева*. М., 2015; *Костицын В.А.* «Мое утраченное счастье...»: воспоминания, дневники. Т. I / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. *В.Л. Гениса*. М., 2017.

⁴³ На оккупированных территориях. Из писем белых эмигрантов, служивших в частях вермахта на Восточном фронте, а также работавших в органах самоуправления // *Александров К. М.* Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: сборник статей и материалов. М., 2005. С. 512-529.

⁴⁴ *Хольмстон-Смысловский Б.А.* Первая Русская национальная армия против СССР. Война и политика. М., 2011; *Хольмстон-Смысловский Б.А.* На заколдованных путях. Восточный поход (Философия войны) / Пер. с нем., вступ. статья и комм. *Д.А. Жукова* и *И.И. Ковтуна*. М., 2014; *Гагарин Е.* Возвращение корнета. М., 2012; *Герлах В.Л.* Изменник. Уфа, 2013.

⁴⁵ *Кромиади К. Г.* «За землю, за волю!». Воспоминания соратника генерала Власова. М., 2011.

⁴⁶ См. воспоминания *И.К. Соломоновского* и *Д.П. Карова* в: Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Сост. *К.М. Александров*. СПб, 2011. См. также: Мемуары власовцев / Сост. *А.В. Огороков*. М., 2011; *Пермикин Б.С.* Генерал, рожденный войной. Из записок 1912-1959 гг. / Ред.-сост. *С. Г. Зирин*. М., 2011; *Семенов К.К.* «Белый крест *О.А. Гешвенда*. Русско-немецкие коллизии в воспоминаниях о формировании антисоветских частей на Восточном фронте» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015 / отв. ред. *Н.Ф. Гриценко*. М., 2016. С. 262-290.

⁴⁷ «Операция была разыграна при 35-градусном морозе южными гессенцами и тюрингенцами против сибиряков». Донесение переводчика *М.А. Губанова* о службе в вермахте в декабре 1941 г. — феврале 1942 г. // «Отечественные архивы». № 2, 2015. С. 96-104.

Введение подобных источников представляется важным по нескольким причинам. Во-первых, расширение документальной базы способствует восстановлению объективной картины истории военной эмиграции в годы Второй мировой войны. В свою очередь, источники необходимы как основа для ответа на вопрос: «Какова была роль русской военной эмиграции в германо-советском противостоянии?». Ответ на подобный вопрос расширяет рамки существующего ныне представления о кошмаре войны, обогащая его новыми — нередко трагичными, неприятными или даже отталкивающими — подробностями. Эта другая, пусть и не слишком представительная, несоветская, но в то же время русская перспектива двадцатого столетия в целом и страшного времени 1940-х в частности.

Приводимый ниже текст написан одним из начальников РОВС, полковником Дмитрием Ивановичем Ходневым (1886–1976). Лейб-гвардеец Финляндского полка, Ходнев участвовал в Первой мировой войне, был ранен и контужен, награжден. Уволенный со службы в апреле 1918 г., проживая в Гатчине, он принимал участие в деятельности подпольной антибольшевистской организации «Белый крест», помогая переправлять добровольцев на Дон⁴⁸. До конца 1918 г. метался с женой в хаосе Гражданской войны: ненадолго уехав в Сибирь, они позже вернулись в Гатчину; к тому моменту часть их родственников уже была арестована или расстреляна⁴⁹. По-видимому, жизнь заставила Ходнева поступить на службу к красным, и он стал начальником транспорта в 6-й стрелковой дивизии. Однако к весне 1919 г. он смог установить связь с Северо-Западной армией и стал ее агентом.

Он выполнял задания контрразведки в красном Петрограде и, ожидая скорого взятия города, похитил секретный план минирования мостов на Неве. Наступление на Петроград не увенчалось успехом: в октябре 1919 г. Ходнев смог сбежать из города и наконец

⁴⁸ Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive. Finliandskii Leib-Gvardii Polk Record (hereafter BAR Ms Coll/Finliandskii Polk), Box 12, Folder «Moi vospominaniia» (4). Ходнев Д.И. Мои воспоминания о службе Лейб-Гвардии в Финляндском Полку (1905–1918 гг.). Тетрадь № 4, часть III. Революция. С. 283.

⁴⁹ Если не указано иначе, здесь и далее согласно источнику: BARMsColl / Finliandskii Polk, Box 12, Folder «Moi vospominaniia» (4). Ходнев Д.И. Жизнь после революции с 1918 г. Тетрадь А7, приложение IV.

присоединиться к СЗА, где стал командиром Гатчинского егерского батальона. После ликвидации СЗА, он пытался закрепиться в Польше, однако был выслан и в апреле 1923 г. осел в Данциге⁵⁰.

В эмиграции Ходнев развернул кипучую деятельность. Вот лишь некоторые из занимаемых им постов: член правления Офицерского союза взаимопомощи и член суда чести; член суда чести в Объединении Лейб-Гвардии Финляндского Полка; представитель Высшего монархического совета. Конечно, самым значительным был его рост по линии РОВС: сначала он стал представителем начальника II отдела (Германия), а после реорганизации 1938 года, Ходнев возглавил VII отдел ОРВС.

За первые годы данцигской жизни Ходнев сменил несколько работ, в конце 1928 г. устроившись в фирму «Oleo», производившую искусственные жиры и масла, где и прослужил до середины июня 1941 г., когда принял предложение поступить переводчиком в вермахт.

Как и другим объединениям, штабам 4-й танковой группы не доставало русскоязычных специалистов. 29 мая начальник штаба, полковник Вальтер Шаль де Болье, санкционировал секретный сторонний набор лиц без гражданства на контрактной основе⁵¹. Командование 4-й танковой группы находилось в постоянном контакте с отделом генштаба Иностранные армии Восток, который принял обязательство выплачивать набранным лицам ежемесячное жалование⁵². Военное довольство рассчитывалось исходя из предыдущего чина в Императорской армии, а семьи получали поддержку исходя из среднего дохода кормильца; в случае смерти или увечья, семье гарантировались крупные выплаты⁵³.

Начальник отдела «Валли I», уроженец Одессы майор Герман Баун, лично одобрил подбор эмигрантов⁵⁴. Двое представителей

⁵⁰ О жизни русской колонии см.: Романов А. Судьбы русского меньшинства в Гданьске // Слово.ру: Балтийский акцент. Том 4, №2, 2013. С. 7-34.

⁵¹ Bundesarchiv — Militärarchiv (BA-MA), RH 21-4/268. «Dolmetscher für Ostsprachen», Kommando der Panzergruppe 4, Abt. Ic, Nr. 516/41 geh., 29.5.1941. Благодарю И.П. Петрова (Мюнхен) за помощь с указанной документацией.

⁵² BA-MA, RH 21-4/268. «Besprechung mit Major Schildknecht bei Zeppelin am 14.6.1941».

⁵³ BA-MA, RH 21-4/268. «Sprachmittler», Kommando der Panzergruppe 4, Abt. Ic. Nr. 733/41 g.Kdos., 18.6.1941.

⁵⁴ BA-MA, RH 21-4/268. «Besprechung mit Major Baun, Abwehr I, Berlin, am 13.6.1941».

танковой группы вышли на проживавших в Данциге апатридов и на проведенной 13 июня общей встрече рекрутировали шестнадцать человек. Фон Лампе находил решение Ходнева принять предложение немцев «совершенно правильным» и от души желал ему «успеха», ожидая его обратно «здоровым и благополучным»⁵⁵. Временно исполняющим обязанности начальника VII отдела стал председатель Союза бывших русских офицеров в Познани военный инженер капитан Волков⁵⁶.

Находясь в штабе 4-й танковой группы, 17 июня Ходнев подписал четырехнедельный контракт с возможностью продления. Ему полагалось 290 рейхсмарок в месяц, что соответствовало выплатам по чину майора (хотя он и был полковник)⁵⁷. После этого его распределили в 36-ю моторизованную дивизию, с которой Ходнев прошел до окрестностей Пскова. К концу августа Ходнев был демобилизован и вернулся в Данциг, где в начале сентября поступил на службу в бюро лесной фирмы.

В условиях приближения РККА в самом конце января 1945 г., Ходнев с женой покинул Данциг и двинулся на Запад. Его дом сгорел, и в пожаре погибли различные реликвии, в том числе личный дневник, запечатлевший службу у немцев. Другую часть своего личного архива Ходнев предал огню собственноручно: в том числе были утрачены архивы СЗА, VII отдела РОВС и переписка с Лампе, Красновым и рядом других лиц⁵⁸. В течение следующих трех лет Ходневых бросало по послевоенной Германии, пока наконец в конце мая 1948 г. они не выехали в Тунис, где пробыли еще четыре года. В октябре 1952 г. через Францию они направились в США, ставшие их последним пристанищем⁵⁹.

⁵⁵ Hoover Institution Archives, Stanford University. Aleksei Petrovich Arkhangel'skii Papers (hereafter HIA/ Arkhangel'skii), Box 4. Приказ по ОРВС №41, 16 июня 1941 г.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 42. Л. 41.

⁵⁷ ВА-МА, RH 21-4/268. «Dienstvertrag», Hodneff, Dimitry, 17.6.1941.

⁵⁸ BARMsColl / Finliandskii Polk, Box 12, Folder «Moi vospominaniia» (4). Спски вещей под названиями «Осталось в Данциге и погибло (сгорело с домом)» и «Уничтожено мною лично при приближении Кр. Армии».

⁵⁹ BARMsColl / Finliandskii Polk, Box 12, Folder «Moi vospominaniia» (4). Разрозненные записки под названием «Беженство с 24./I.45».

Даже в конце жизни Ходнев идеализировал последнего русского царя и вставал на его защиту⁶⁰. «Я всегда чувствую, что не исполнил до конца свой долг — хотя бы уже потому, что я — жив, а Государь умер за Россию, за нас, в тяжелые дни покинутый нами... А я живу нашим незабвенным Былым. Ему я верен»⁶¹. Квартира Ходнева была полна различных артефактов, а все стены были увешаны снимками царской семьи, командующих и генералов⁶². В свободное время любил удить рыбу и был глубоко заинтересован в истории родного полка, написав обширные мемуары⁶³ и собрав огромную коллекцию материалов, ныне бережно хранимых в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Часть его личного архива, не переданная в университет, долгое время считалась утраченной, однако в конце 2015 г. была найдена и передана на хранение в архив Центра изучения Белого движения в Подольске.

Представляемые мемуары были написаны в январе 1955 г. в Глен-Коув. Ходнев много и активно вспоминал о Первой мировой войне на страницах «Часовой»⁶⁴, однако свое участие во Второй мировой осветил лишь единожды, в рамках представляемого источника. Впоследствии записки о службе у немцев вышли в трех частях в очень редком малотиражном (50 экз.) ротаторном журнале «Финляндец», подшивка которого хранится в коллекции Андрея Савина в Университете Северной Каролины в Чапел-Хилл⁶⁵.

⁶⁰ BARMsColl / Finliandskii Polk, Box 10, Folder «Minor Manuscripts». Ходнев Д.И. В.В. Орехову — «Часовой» — (призыв старика), ноябрь 1972. С. 1-8.

⁶¹ Stanford University, Hoover Institution Archives. Aleksei Semenovich Olekhnovich Papers, Box 10, Folder «Khodnev, D.I.». Письмо Д.И. Ходнева А.С. Олехновичу, 12 апреля 1956 г.

⁶² «Д.И. Ходнев» // «Наши вести». № 358, апрель, май, июнь 1976 г. С. 12.

⁶³ Мемуары не были опубликованы, только очерк: Ходнев Д. Л.-Гв. Финляндский Полк в Великой и Гражданской войне (1914-1920 г.г.). Белград, 1932.

⁶⁴ Пасха 1915 года (из воспоминаний) // «Часовой». № 296, апрель 1950 г. С. 14; 19-ое февраля (3 марта) 1861 года // № 306, март 1951 г. С. 15; В боях под Ивангородом // № 350, февраль 1955 г. С. 11-13; Красносельская легенда // № 360, декабрь 1955 г. С. 12; К 40-летию боя на Стоходе // № 368, сентябрь 1956 г. С. 6; Еще о ген. И.Р. Довбор-Мусницком // № 389, июль 1958 г. С. 21; У Лейб-Эриванцев (из воспоминаний) // № 392, ноябрь 1958 г. С. 13-14; Светлой памяти государыни-императрицы Марии Федоровны // № 393, декабрь 1958 г. С. 9-10.

⁶⁵ University of North Carolina at Chapel Hill, Louis Round Wilson Library, Rare Book Collection, André Savine Collection. Ходнев Д.И. Месяц в Германской Армии // «Финляндец». Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финлянд-

Также экземпляры «Финляндца» с рукописными пометками самого Ходнева отложились в Подольске⁶⁶. Нижеприведенная версия печатается по оригиналу из коллекции в Бахметьевском архиве. Оригинал представляет собой линованную тетрадку, текст написан черными чернилами в дореволюционной орфографии; для пометок, исправлений и подчеркиваний использовались цветные карандаши⁶⁷. Текст приводится в новой орфографии, пунктуационные и синтаксические ошибки исправлены без оговорок; рукописные пометки и приписки по «подольской версии» инкорпорированы в текст в квадратных скобках.

Мемуары Ходнева ярко и компактно повествуют о патриотических надеждах изгнанников, их стремительном исчезновении и последующей моральной самокомпенсации. Сквозь толщу лет, они доносят голос одного из тех белых русских, что пошли в чужих серо-зеленых колоннах, веруя в безвозвратно утраченную к лету 1941 г. Россию, но на деле борясь на стороне одного из самых преступных и антирусских режимов XX века.

* * *

Что мог бы подумать я, если бы сказали мне, офицеру Лейб-Гвардии Финляндского полка, что я, участвовавший в войне с немцами, пойду в их рядах, с ними, против своих?!..

А вот — случилось это, казалось бы, невероятное! Как в 1914 году мы, исполняя наш долг, встали на защиту своей Родины от немцев, так и в 1941 году многим из нас привел Господь снова исполнить долг наш перед ней, освобождая ее от еще худшего, нежели немец, врага — от захватившей ее безбожной кровавой власти III интернационала, от большевиков. И если не суждено было нам освободить Родину нашу, если пережито было много разочарований и горя — значит, такова была Воля Господня... Значит, не настали еще сроки... Значит, и путь наш был не тот, по которому мы пошли — нельзя было доверять немцу!

ского Полка. Май 1955 г. № 31. С. 17-21; Декабрь 1955 г. № 32. С. 24-30; Апрель 1956 г. № 33. С. 48-53.

⁶⁶ Благодарю Н.В. Родина (Санкт-Петербург) за любезную помощь с данным источником.

⁶⁷ VAR Ms Coll/Finliandskii Polk, Box 10, Folder «Minor Manuscripts». Ходнев Д.И. Месяц в Германской Армии.

Все же, надо сказать, что тех, кто пошел с немцами, идти заставил наш¹ долг перед Родиной; наша² вера в то, что настал момент освобождения России, которую не забывали мы, живя на чужбине, которую любили так горячо и безгранично... Без колебаний, не рассуждая, пошли мы тогда в союзе с нашим прежним врагом.

Кто был переводчиком в частях германской армии, кто пошел в «РОА», кто вступил в ряды Русского Корпуса, кто находился в организации «ТОДТ», а кто и партизанил в тылу врага... Много погибло в те годы за нее — Мать-Родину, и да упокоит Господь души тех, кто жизнь свою отдал за Россию.

Начало июня 1941 года. Почти уже два года шли «завоевания» немцев, и часто казалось, что действительно достигнут они того, чего желает и к чему стремится «фюрер». Налицо были непревзойденная дисциплина, отменная «немецкая» организация, горячая вера в своего вождя... И вспыхивал в сердцах русских людей, ушедших с родной земли, но не примирившихся с мыслью, что война с поработителями Родины окончена, яркий луч надежды, что Германия пойдет уничтожать коммунизм и в нашей России; что придет час, когда мы, белые, снова сможем обнажить меч или помогать в этой борьбе всеми способами.

Я жил уже почти 20 лет в «вольном городе» Данциге, который с первого дня войны, с 1 сентября 1939 года, снова стал немецким. Я смог тогда официально, открыто быть начальником VII отдела ОРВСа³ у генерала фон Лампе⁴. Мой отдел обнимал всю Западную Пруссию и часть бывшей Польши; кроме Данцига (центр), у меня были союзы в Познани, Бромберге, Калише и особенно многочисленный и деятельный — в Лодзи («Лицманштадт»). Намечалось открытие союза в Восточной Пруссии. От германских военных властей я видел к нашей организации полное доверие и симпатию⁵.

В первых числах июня [1941 года] я ездил в Берлин по вызову генерала Лампе на экстренное заседание всех начальников отделов, и на нем он огласил свое письмо «фюреру» Адольфу Гитлеру, в котором, считая, что Германия неминуемо должна столкнуться с большевиками и уничтожить в России коммунизм, предлагал «фюреру» в его распоряжение себя и ОРВС⁶. Генерал Лампе указывал, что мы верим, что Германия пойдет в Россию не с целью ее завоевывать, не с целью драться с русским народом, а исключи-

тельно для того, чтобы уничтожить всемирное зло — коммунизм; что в этом случае русские белые воины всецело станут на сторону Германии⁷. Тогда же побывал я и у возглавлявшего в Германии русскую эмиграцию генерала Бискупского⁸, который считал, что война Гитлера со Сталиным — неизбежна.

12 июня меня неожиданно вызвал по телефону начальник данцигского опорного пункта, В.[ладимир] Н. Елизаров⁹ (гражданский возглавитель русской колонии, подчинявшийся генералу Бискупскому¹⁰), с которым мы всегда дружно работали, взаимно информируя обо всем друг друга и помогая в чем бывало нужно. В.Н. просил меня после службы встретиться с ним, чтобы сообщить «интересные новости»...

Вот что поведал он мне: из штаба 1-ой германской армии¹¹ приехали два штабных офицера, обер-лейтенант бар.[он] Шпек фон Штерн и фон Бланкенхаген. По совету Ея Высочества, Княгини Киры Кирилловны¹², проживавшей тогда со своим супругом Принцем Людвигом Прусским¹³ в Кадынине, эти офицеры для успешного завершения своей миссии обратились за помощью к нам, в Данциг. Им нужны были русские переводчики. Решено было на другой день собрать подходящих людей, с которыми мог бы обо всем подробно побеседовать обер-лейтенант бар.[он]фон Штерн, который, несмотря на свой малый чин, занимал весьма важную должность, о чем В.[ладимир] Н. Елизаров узнал уже позже, в «гестапо».

Общее собрание было созвано в зале при церкви¹⁴, и на него¹⁵ приглашено человек 25 русских эмигрантов, большей частью офицеров. Отсутствовали на нем генералы Д., М. и Л., которые считали, что если они нужны штабу армии, то к ним, как к русским генералам, эти германские обер-офицеры должны обратиться лично. На этом собрании германские офицеры обратились к присутствовавшим со следующими словами: требуются русские переводчики, числом 15, знание ими немецкого языка не требуется основательное (разговорное), желательно бывшие офицеры как привычные к военному делу, любящие порядок, дисциплину; что материальные условия будут таковы, что никто не окажется в худшем положении, чем они теперь; что семьи будут обеспечены. Хотя и не говорили они, зачем им понадобились переводчики, но сразу было видно, что война с Совдепией «на носу»...

Длительен был наш вынужденный отдых... Почти двадцать лет нахождение «в стратегическом резерве»... Накапливание сил...

И вот — неужели настал этот долгожданный момент??.

И у меня колебаний не было. Я встал и заявил: «Я, полковник Ходнев, согласен, если мое знание немецкого языка достаточно». За мною встали и другие, всего 19 человек, из коих взято 17¹⁶. Быстро переговорено обо всем, выяснены все подробности — все ясно, все приемлемо.

Хотя никакой еще войны против Сталина и его «товарищей» нет, но все в душе ликует, сердце радостно бьется: Господи, помоги и мне послужить Родине, дай и мне возможность принять участие в ее освобождении!

Здесь хочу остановиться на нижеследующем: набор переводчиков в Данциге не был «плановым», исходящим от правящих верхов, а случайностью, которая свидетельствует о том, как мало был продуман и подготовлен поход в Россию¹⁷. Когда выяснилось, что до начала открытия военных действий осталось всего лишь 2 недели, то оказалось, что в 1-ой армии [совершенно] нет переводчиков — об этом не озаботилось Главное Командование. Стали спешно их искать в Восточной Пруссии, где был штаб армии, но найти не могли, и добыли их в Данциге. В генерал-коммандо¹⁸ полковник барон фрейхерр фон Кране, уже после нашего отъезда на фронт, говорил В.Н. Елизарову, что данцигское генерал-коммандо было в претензии на этих офицеров, которые, как выразился тогда старый оберст¹⁹, действовали по способу вербовщиков Фридриха Великого...²⁰

Но продолжу дальше. На другой день бросаю свою службу в «Олео», получаю расчет, прощаюсь с начальством фабрики и с рабочими. И ясно вижу полное недоумение, растерянность, враждебное отношение со стороны рабочих, бывших коммунистов, а ныне «национал-социалистов»... Очевидно, поняли в чем дело!

Дома — спешка, подготовка к походу (вспомнился июль 1914 года!²¹), покупки и сборы. До получения на местах военного обмундирования нам рекомендовалось одеть «спортивное». И у меня: на голове — кепка, на ногах — обмотки, за спиной — рюкзак.

Вечером, накануне отъезда, в нашем храме — торжественный напутственный молебен, отслуженный протоиереем о.

Петром Родкевичем²² (бывший офицер); его слово, обращенное к нам, 17-ти переводчикам; потом — речь В.Н. Елизарова, уклавшего, что задача переводчика — не быть лишь переводчиком слов, а быть посредником между немцами и русским народом, и обещавшего заботиться о наших семьях. Отвечая им, сказал и я несколько слов, выразив нашу радость, что Господь дает возможность послужить делу освобождения России.

15 июня с вокзальной площади состоялся наш отъезд. Это были незабываемые минуты! Такие торжественные, трогательные проводы, полные радостных надежд! Собралось много соотечественников. Масса цветов... В 3 часа дня мы заняли места в специальном военном автобусе. С нами ехал и обер-лейтенант фон Бланкенхаген, бывший русский кавалерийский офицер. Последнее прости — и мы покидаем «наш» Данциг. Наши родные долго еще стоят на площади и машут платками — «с Богом!»...

Я остановился на этих, поначалу кажущимися ненужными и лишними подробностях, чтобы дать картину того, что произошло: неожиданность, радостная надежда, вера в светлое будущее, веление долга — ты не захочешь, не сможешь, не посмеешь отказать от того, что остается долгом твоим, офицерским долгом, до самой смерти!

И потому — никаких больше сомнений, колебаний и дум. Ведь ты идешь с немцем не против России, не против своих, а идешь, чтобы помочь твоему народу сбросить с плеч ненавистное большевистское ярмо.

Все, что пережил я в те полтора-два месяца, было мною подробно записано, но, увы, тетрадь погибла в Данциге в 1945 году, а потому я могу нынче лишь по памяти, вкратце восстановить прошлое.

Перед отъездом я, конечно, донес рапортом генералу Лампе о своем неожиданно быстром отъезде, о временной сдаче начальника отдела председателю Познанского отдела; успел обо всем написать и генералу П.[етру] Н.[иколаевичу] Краснову в Далевиц. Позже я получил приказ по ОРВСу, в котором его начальник одобряет мое решение и желает во всем полного успеха. П.Н. Краснов очень сердечно меня приветствовал, находя, что поступить иначе я не мог и он иного от меня не ожидал... Все это я читал, вернувшись обратно!

Не буду останавливаться на подробностях нашего путешествия. Остановки в г. Алленштайн, Инстербург и, наконец, прибытие в штаб армии, расположенный вблизи советско-литовской границы, где мы получили назначение и откуда «приемщики» развели нас по штабам. Хочется обратить внимание на следующее: немцы, с их организованностью, воинской дисциплиной, порядком, сразу поставили нас на должное место. После долгих лет эмигрантской жизни, разнообразной работы — часто работы физически тяжелой, непривычной — стать снова на положение офицера, это намного меняет тебя, особенно кадрового офицера, бывшего кадета и юнкера. Я и полковник У.[краинцев]²³ пользовались всегда и во всем особыми преимуществами и вниманием по сравнению со всеми прочими — и во время пути, и во время остановок в городах, и при назначении.

В штабе армии нас распределили по воинским частям. Я, полковник У.[краинцев] и поручики О.[брухович] и А.[ндриевский] получили назначение в **36-ую моторизованную дивизию**; нас немедленно отвезли туда. Представившись начальнику дивизии²⁴, который приветствовал нас несколькими словами, мы через его адъютанта обер-лейтенанта фон Мюнних[а] получили окончательное распределение: я и полковн.[ик] У.[краинцев] оставлены при штабе дивизии, а поручики О.[брухович] и А.[ндриевский] назначены в штабы полков. Полковн.[ик] У.[краинцев] был прикомандирован к разведывательному отделению (опрос пленных), а я — **в отдел снабжения** («нахшуб»²⁵).

Отдел снабжения был как бы самостоятельной единицей, самообслуживающейся: свой штаб — командир, его помощник, адъютант, врач, зав.[едующий] продовольствием и офицер-ординарец; различные подвижные склады — боеприпасов, оружия, обмундирования, снаряжения, продуктов и пр.; отдельные их команды под начальством особых офицеров; санитарная часть; канцелярия.

Начальником снабжения был майор фон Шайбе, старый кадровый офицер, моих лет, участник войны 1914–18 гг. Когда я ему являлся, он по уставу выслушал мой рапорт, произнес обычное «Данке»²⁶, крепко пожал руку, внимательно просмотрел все мои военные документы — прежние, полковые и теперешние ОРВСа (переведенные на немецк.[ий] яз.[ык]); приказал сдать их адъютанту в канцелярию.

На другое утро в канцелярии я получил удостоверение: «Долметчер²⁷ отдела снабжения 36-ой моторизов.[анной] дивизии Ходманн». Изменить фамилию всем нам было приказано. Наименование наше было «долметшер» (переводчик), а звание «зондер-фюрер»²⁸. Оба мы — я и полк.[овник] У.[краинцев] — не считали для себя возможным одеть офицерские германские погоны, о чем мы и сообщили своему начальству, которое нас вполне поняло²⁹. На воротнике нашего походного мундира были нашиты шт.[абс]-офиц.[ерские] петлицы; на рукаве — белая повязка с напечатанным «Долметшер» и приложенной печатью штаба дивизии; офицерская португеза; офицерский головной убор. За этими предметами обмундирования я ездил на другой день в Кенигсберг. Никогда еще в жизни не мчался я на автомобиле с такой скоростью! И вообще, за время моего пребывания у немцев я «всласть» наездился на машинах — на мотоциклетах, автомобилях и автобусах.

Вечером майор Шайбе пригласил меня в свою командирскую палатку и за стаканом хорошего французского вина (дивизия была переброшена из Франции и имела большие запасы превосходного вина, шампанского и коньяка) долго расспрашивал меня обо всем: обо мне, о моей службе, о России. С гордостью сообщил мне, что дивизия наша — боевая, что долгое время находилась она у ген. Роммеля [до его назначения в Африку]³⁰. Дал мне много указаний по службе, полезных советов; сказал, что мое постоянное место на походе — вторая в голове колонны машина, вместе с офицером-ординарцем.

Майор Шайбе был типичным прусским офицером старых времен; не скрывал своего критического отношения ко всем новшествам и почти презрительно отзывался об С.С. («эссэсовской») армии³¹. В заключение сказал: «Во всем отделе снабжения мы только двое настоящие офицеры, я — у кайзера Вильгельма, Вы — у царя Николауса, — остальные призванные и “эрзац”!..».

На следующий день началась моя служба. Пока переводчик был не нужен, мне дали разбирать маршрутные карты, подклеивать их; молодые офицеры попросили давать им уроки русского языка — вернее, научить правильно выговаривать некоторые фразы: «Я хочу тебя поцеловать», «Я люблю тебя», «Дай мне пива» и т.п. Публика была малосимпатичная; о России и русских не имела ни малейшего представления, боготворила «фюрера»,

который-де преобразует на свой лад весь мир и, конечно, Россию тоже — уничтожит большевиков, которые являются следствие лишь царского режима и безграничного своеволия помещиков, избивавших крепостных кнутами — и так далее, все в том же роде...

Майора Шайбе они боялись как огня; тянулись перед ним, а мне говорили: «Он офицер еще при Вильгельме...». Моим непосредственным начальником являлся обер-лейтенант Меркель, бывший учитель, очень милый человек, только и думающий о своей многочисленной семье.

Питание чинов отдела снабжения было поставлено очень хорошо. И офицеры, и солдаты получали одинаковый паек, горячую пищу из одного котла — вкусно, сытно, разнообразно. Штаб отдела питался всегда особо, вместе; постоянно подавались закуски и нередко вино; мое место было рядом с командиром³².

Уже через несколько дней я освоился и привык к своей новой жизни и службе. Дисциплина и весь внутренний порядок были очень строги; командир весьма требователен и поэтому приходилось всегда быть «на чеку», постоянно следить за собою. Командир вставал раньше всех, ложился последним и только тогда, когда заканчивал все, что хотел сделать.

Взаимоотношения между офицером и солдатом были строго регламентированы; резко отличались на службе, при исполнении ее, и вне службы. Помню, как удивлен был я первый раз новой для меня картиной: на походе остановились на отдых в маленьком местечке, обер-лейтенант Меркель, я, старший шофер автобуса-«мясная», унт.[ер]-оф.[ицер]Хартманн, и человек пять солдат вошли в трактир выпить пива. Солдаты, не испросив у о.-л. Меркель разрешения, шумно и весело заняли столик, уселись и заказали пива. К ним присоединился и о.-л. Меркель; и все мы, как равноправные, сидели, ели, пили и весело разговаривали. Но когда офицер обратился по службе с каким-то вопросом к у.[нтер]-о.[фицеру] Хартманну, тот вскочил, вытянулся — каблуки вместе, руки по швам, голова поднята — выслушал приказание, отчеканил уставное «Яволь, херрбер-лейтнант!»³³, сел и снова принялся дуть свое пиво...

Ко мне со стороны солдат отношение было всегда очень вежливое, корректное; приветствовали отданием чести, титулуя «херр долметчер»³⁴; на походе всегда приносили мне пищу, мыли

и чистили мою посуду. В один из первых дней все унтер-офицеры пригласили меня отобедать с ними.

Так понемногу шла моя служба в немецкой армии. Как-то по пути на склад, чтобы пригнать себе «штальхелм» (каска) и противогаз, я проезжал мимо Фридланда — тех памятных нам мест первого боевого крещения Императорцев весной 1807 года, почти 135 лет тому назад — когда батальон наш «за особо-доблестную и отменно храбрую службу на гейльсбергских и фридландских полях» заслужил права старой императорской гвардии... Сколько разнообразных мыслей промелькнуло тогда в моей голове, когда я осенял себя крестным знамением, творя молитву за упокой моих Однополчан, павших за Веру, Царя и Отечество...

Так прошла неделя. В субботу 21-го июня усиленно заговорили, что завтра рано утром начнутся военные действия против Сов.[етской] России. Вечером стало официально известно, что в 4 часа утра раздастся первый орудийный залп и войска вторгнутся в Сов.[етскую] Литву.

Всю ночь я не смог заснуть ни на минуту. Голова была полна разных дум... Еще засветло я оделся и вышел в сад. Было темно, тихо, привычное ухо охотника улавливало лишь ночные шорохи. В 4 часа — все тихо... В 4:20³⁵ я услышал отдаленный гул, как бы раскаты грома, а через несколько минут уже ясно, отчетливо гремели пушки и порою слышались пулеметные очереди. Надо мною пролетали отряды аэропланов, направляясь на северо-восток...

Что-то будет, чем-то все окончится?!..

Днем в воскресенье 22 июня уже было известно, что германские войска прорвали фронт, перешли границу, и колонны танков и моторизованной пехоты с артиллерией, после коротких боев, непрерывно двигаются вглубь. А на другой день я уже увидел первых пленных красноармейцев и первых раненых немцев. По слухам, танковые и моторизованные колонны неудержимо, стремительно несутся вперед. 24 июня двинулись и мы. И с этого дня в продолжение почти полумесяца наша колонна была в движении; и днем и ночью мы летели вперед и вперед лишь оставившаяся на пару часов, когда наши боевые части задерживались противником; за это время были только две дневки. И есть,

и спать приходилось в машине. В течение трех недель с боями пройдены вся Литва, вся Латвия и мы вступили в Сов.[етскую] Россию, ворвавшись в Псковскую губернию.

Помню первые впечатления по пути из Тильзита на Тауроген. Таких разрушений я еще не видел! Разрушенные бункера, перевернутые и разбитые танки и машины, порванная проволока, обгорелые дома... От Таурогена остались одни развалины! Ни одного уцелевшего дома. Груды камней, одиночные трубы, еще дымящиеся остатки...

Мои ежедневные записи, как я уже упоминал, погибли в Данциге в 1945 г. Я могу по памяти привести только различные эпизоды, наиболее красочные и интересные. Да и описать все подробно — нет никакой возможности.

Молниеносное наступление немцев, взятие ими местечек и городов, часто не обращая никакого внимания на неразбитые, вполне боеспособные красноармейские части, уходившие с пути движения врага в леса и пропускавшие их, придали войне совершенно необычный характер и породили такую партизанщину, бороться с которой немцам [вскоре] оказалось³⁶ не под силу. Они говорили: «Наша цель — скорее вклиниться возможно глубже, поразить, потрясти врага; нужды нет, что по сторонам и в тылу у нас неразбитые его части. Идущие сзади нас пехота с артиллерией “прочешут” леса и обезвредят; мы же — моторизованные войска, должны идти вперед как можно скорее, назад и по сторонам не оглядываясь, тогда скорее будем в Ленинграде и в Москве!..».

Первая моя встреча с моими братьями-соотечественниками была такова. В первые дни нашего вторжения в Литву как-то утром я с об.[ер]-л.[ейтенантом] Меркель и двумя солдатами ехали по лесной дороге, недалеко от шоссе. Вдруг на опушке леса показались одиночные люди. Мы приготовились к встрече. На дорогу вышло 6–8 красноармейцев с поднятыми вверх руками, некоторые торопливо сбрасывали сапоги и выставляли их перед собою. Мы подъехали, и я выяснил, что они хотят сдаться в плен, что уже три дня скрываются в лесу — боятся, что немцы их расстреляют; сапоги они охотно предоставляют немцам, т.к. слышали, что у них нет таких хороших. Вид у красноармейцев был самый жалкий: одежда рваная, а сами они — грязные, худые, небритые, напуганные... Когда их накормили и напоили, дали

папирос, только тогда они, т.[ак]ск.[азать], «отошли» и поуспокоились.

Здесь хочу я сказать несколько слов об отношении немцев к пленным красноармейцам. Всех политических комиссаров, а также явных коммунистов, не скрывавших свою принадлежность к партии, имевших членские карточки-билеты, — немцы расстреливали³⁷. К остальным относились вполне гуманно, не обижая, а жалея их и помогая в чем могли. Это я говорю про фронтовые, армейские (не «эсэсовские») части³⁸. Но чем дальше уходили (эвакуировались) пленные от фронта, тем хуже становилось обращение с ними тыловых частей и учреждений. Побои, издевательства, холод и голод были уделом пленных везде и всегда. Будто умышленно, сами немцы портили себе обстановку, ухудшали свое и без того тяжелое положение, будто намеренно проигрывая войну...³⁹ Несомненно, и тут было наличие «злых сил». Сколько вообще было совершено ими непоправимых ошибок!... А какие возможности были у них... Ну да что говорить об этом — здесь нет ни места, ни времени, это тема особого порядка, очень серьезная и очень, к тому же, интересная.

Когда красноармейцам, находившимся на фронте, стало известным как обращаются немцы с пленными, они перестали сдаваться в плен, начали отчаянно сражаться: немец оказался хуже сталинского чекиста!

А там, где только было можно, стали мстить: партизаны не давали немцам покоя ни на минуту; нападения из-за угла, при первой возможности, с применением невероятной жестокости, стали явлением обычным. Я сам, своими глазами видел изуродованный труп связного-мотоциклиста, унт.[ер]-оф.[ицер] Велс, с выколотыми обоими глазами и другими ужасными ранами. Его подстерegli партизаны недалеко от Шавли.

Моей обычной службой были поездки с обер-лейтенантом Меркель для закупок живности. Как это ни странно, и в Литве, и в Латвии население очень часто «отказывалось понимать немцев», и тогда приходилось мне объясняться с ним на русском языке. Для покупки мяса снаряжалась целая экспедиция; прежде всего шла «мясная» — автомобиль-грузовая платформа, специально оборудованная для «свежевания» мясных туш. Это было что-то удивительное: чего-чего тут не было, каких только приспособле-

ний не придумано!! Рычаги, колеса, цепи, ножи, топоры и пилы, крюки для подвешивания, баки и ведра, инструменты для чистки и мойки. Вот уж действительно — чего только немец не выдумает! Здесь «священнодействовали» два мясника-специалиста.

Обычно выезжали три машины: «мясная», автомобиль об.[ер]-л.[ейтенанта]Меркеля (со мною) и грузовичок с вооруженной охраной. Моей обязанностью было спрашивать, согласен ли владелец продать свинью, теленка, реже — корову, и за какую цену. Деньги уплачивались наличными (герман.[ские] марки) немедля. Принуждения не было.

Так было в Литве и в Латвии. Но не то, увы, увидел я, перейдя латвийско-русскую границу... «Тут колхозы, тут нет частной собственности, тут коммуна — а потому забирай все, что тебе угодно, бесплатно: и в хате, и во дворе, и в поле...». Так рассуждало германское начальство и благословляло отнимать у несчастного русского мужика, уже ободранного сталинскими комиссарами, его последние остатки. «При немце еще хуже!», — раздался стон...

Мои указания, уговоры, просьбы, доказательства — не помогли. Майор Шайбе, отлично все понимавший и согласный со мною, ничего поделать не мог: таков был приказ свыше! А его помощник, хауптманн⁴⁰ Вольф, всецело стоял на стороне высших властей: он ненавидел русских и шел «завоевывать» Россию. В начале 1942 года он был убит партизанами, обстрелявшими его автомобиль. «Забегая вперед», скажу, что мое противление в этих начинаниях немцев на русской земле было одной из причин ухода со службы.

Однажды, когда купленная у богатого литовца свинья была убита и свеживалась, а мы мирно сидели у него на крыльце хаты и пили молоко, прибежал рабочий и взволнованно, торопливо стал что-то говорить хозяину, указывая рукою на лес... Там, на опушке на рысях шел красноармейский разъезд из шести коней. Быстрый приказ о.[бер]-л.[ейтенанта]Меркеля — и солдаты охраны с пулеметом и автоматами заняли канаву и изгородь, без всякой паники и суеты, спокойно и ловко. Но разъезд снова скрылся. Работа мясников продолжалась без перерыва. И когда все было закончено, только тогда мы отправились «домой».

Помню, вызвали меня раз на продуктовый склад, попавший от Советов в руки немцев. Нужно было переводить с русского на немецкий язык различные надписи-этикетки на ящиках,

мешках, жестянках. Было громадное количество вяленой воблы (тарани), которую немцы сочли за несъедобное и намеревались уже уничтожить. Они с удивлением смотрели как я с аппетитом съедал очищенные от чешуи⁴¹ спинные филейчики этой вкусной рыбы! Вспомнился мне [наш] лагерь⁴² и поруч.[ик] Кольчевский, любитель вяленой воблы.

Должен отметить, что среди разных продуктов питания оказались и рыбные консервы (таймень, семга, нельма); качество их было превосходное; все они куда-то исчезли — видимо, отправили вглубь Германии. Очень хороша была и малага, целая бочка; вино разделили между чинами отдела снабжения, и я наполнил им мою флягу и термос.

Продвигаясь уже по Латвии, мы выдержали жестокий бой у г. Мадоны. Красные почему-то упорно его защищали и полкам нашей дивизии пришлось порядком потрудиться и понести серьезные потери, чтобы сломить сопротивление большевиков и взять город.⁴³ В нем находилась мощная радиостанция, и ее передачу я не раз слушал в Данциге. Наше снабжение простояло часа четыре в небольшом сосновом лесу, который обстреливался артиллерией красных. Уходя оттуда, [и] мы оставили две могилы и повезли с собою несколько раненых...

Между прочим, немцы всегда аккуратно, любовно хоронили своих убитых: могилы их были с крестами, на которых виднелись надписи кто похоронен, нередко положен веночек из полевых цветов и почти всегда штальхельм убитого. Не то было с нашими⁴⁴! Никто их не хоронил, никто не убирал с любовью их могилы. Днями лежали они не похороненные, и только потом, по распоряжению властей, местные жители наскоро их зарывали... Помню, позвали меня однажды посмотреть на «великана». В кустах лежал убитый красноармеец — действительно, великан: громадного роста, плотный, настоящий русский богатырь!

Приходилось переживать и тревожные, полные опасности, часы... Недалеко от Якобштадта дивизия попала в окружение и положение наше было очень серьезное.⁴⁵ Всю ночь все чины отдела снабжения были наготове, с оружием в руках, начиная с майора Шайбе и кончая мясником Фишером. Паники не было, но слышались приглушенные голоса: «Разве можно так лететь все вперед и вперед? Ведь у нас в тылу и на флангах неразбитый, сильный противник! Ведь мы не во Франции!...». Но прошла ночь,

наступил рассвет и — снова все бодро и весело двинулись вперед, снова стремительно летела автомобильная колонна, стараясь скорее достичь... Ленинграда. «Через месяц мы будем там!», — задорно говорили молодые лейтенанты, а с ними и хауптманн Вольф... «Фюрер приказал!».

У Якобштадта впервые пришлось мне увидеть⁴⁶ длительный воздушный бой целой эскадрильи, советской и германской. Несколько советских аэропланов были сбиты, остальные ушли. У немцев потерь не было. При нашей переправе по понтонному мосту через Двину у Крейцбурга советские аэропланы бомбили понтонный мост. Немецких летчиков в тот момент не было — одни «зенитки» непрерывно били по советским бомбардировщикам, которые тщетно целили по мосту, но их бомбы падали в воду...

Автомобильная колонна, соблюдая полное спокойствие, держа между машинами установленную дистанцию, не прибавляя скорости, шла по понтонному мосту. Не шевелясь, будто застыв, стояли на понтонах солдаты, шуршали по настилу резиновые шины, а в голове стояло: «Пронесет или нет? Почему так медленно ползут?». И на душе сразу стало так легко и радостно, когда наша машина съезжала с моста и въезжала на крутость дороги, когда шофер по знаку полевого жандарма увеличил ход... «Пронесло».

Часто приходилось наблюдать как немцы совершают непростительные ошибки, которые потом принесут им [же] непоправимое зло! Так, например, одно время они отпускали на свободу всех военнопленных латышей — пусть себе разойдутся по домам! Если бы знали немцы, сколько самых отъявленных большевиков отпустили они, и сколько среди них было не-латышей!?. Я сам встретил такую компанию военнопленных: весело и задорно смеясь, переговариваясь между собою на чистейшем русском языке, они, радостные и довольные, спешили, очевидно, уйти в леса и начать партизанить. А в штабе дивизии отвечали: «Таков приказ — бефэль ист бефэль!»⁴⁷...

Много пришлось пережить разочарований — угасла вера в немцев. Не уничтожить им большевизма, не спасти им от этого зла нашу Родину...

Как-то вечером, когда я уже подумывал об отдыхе, мотоциклист привез мне какую-то книжонку и передал просьбу нашего

оружейного мастера прочесть и перевести ему ее. Оказалось, что в руки его попал какого-то сложного устройства советский кипятильник и при нем была эта книжка. В инструкции подробно указывалось как обращаться с кипятильником, его устройство, сборка и разборка. Просидев до поздних часов, я с помощью словаря (который всегда был при мне) сделал вкратце перевод инструкции на немецкий язык. Кипятильник оказался отличным, и оружейный мастер очень его одобрял.

Как я уже говорил, советские партизаны очень беспокоили немцев, постоянно атакуя на их мелкие воинские части, на одиночных людей, на отдельные автомобили, взрывая мосты, разбрасывая по дорогам искусно замаскированные мины-«тарелки», и нанося где только возможно вред и расстройство. Уже после моего отъезда, я узнал о ранении майора Шайбе, который, будучи в автомобиле, наскочил на такую мину. Однажды несколько офицеров и я поехали в ближайшее местечко на двух машинах: на обратном пути вечером, проезжая по лесной дороге, мы наткнулись на баррикаду, а когда вышли чтобы разобрать ее и проехать, были обстреляны партизанами, на выстрелы коих ответили продолжительной стрельбой.

Литва и Латвия были пройдены в две недели и к 7 июля мы подошли к латвийско-русской границе.

С понятным волнением и многими переживаниями вступил я на искони древнюю родную землю — в Псковскую губернию... После долгих лет, проведенных на чужбине, снова очутиться на Родине!!..

...Но в первый же день пришлось мне пережить много разочарований и на душе сразу же стало тоскливо, тяжело и пусто...

В Литве и Латвии отношение к жителям, как я это сейчас увидел, сразу же при вступлении нашем в Россию, оказалось было совсем иное, нежели здесь, теперь!... В каждом литовском и латвийском населенном пункте по распоряжению начальства я обращался к жителям со словами, что немцы пришли освободить их от большевиков, вернуть им их самостоятельность, помочь им во всем. И прежде всего, они разрешали и приветствовали появление национальных флагов. Ничего от них не отбирали; что требовалось — просили добровольно продать и немедленно платили по хорошей цене, германскими марками, которые на-

селение очень охотно принимало. Обращение всегда было самое вежливое, корректное.

Приятно было все это видеть, и заранее я уже предвкушал удовольствие и радость замученного, затравленного, обнищавшего при советском правительстве русского обывателя, когда он встретит немцев и почувствует всю разницу своего бытия у большевиков и у немцев. Но не тут-то было!!

Вывесить на радостях вместо красного, с серпом и молотом, бело-сине-алый русский флаг — не разрешалось. Систему колхозов приказано было пока оставить. Свиньи, телята, коровы и лошади, не говоря уже о домашней птице, а также все молочные продукты и зелень — отбирались, не взирая часто на убедительные просьбы оставить последнюю, единственную кормилицу-корову...

«Все врут! Собственности у них нет, все общее, колхозное, коммунистическое. А потому — бери все что хочешь и, конечно, бесплатно!». Так рассуждали теперь добрые «освободители от большевистского произвола» — немцы, и тащили все, что хотели...

Когда я, изумленный и едва сдерживающий себя от гнева и стыда за «освободителей», обратился за помощью к майору фон Шайбе, тот развел руками и сконфуженно произнес: «Ничего не могу изменить — таковы распоряжения и инструкции высшей власти!». И уже не сдержавшись, в присутствии некоторых офицеров, в том числе майора фон Шайбе и хауптмана Вольфа, я воскликнул: «Бедная Россия — это будет то же, что и при большевиках...». А позже, в разговоре, я всеми силами старался убедить своих немцев, что такими действиями они лишь портят себе и ничего не добьются: русские начнут жестоко сопротивляться и оборонять свою Родину... «Вот увидите — еще один месяц, и мы будем в Петербурге и в Москве!», — таков был их гордый мне ответ.

Население боялось немцев, но старалось исполнять все их распоряжения, малейшие желания — всегда радушно, с чисто русским гостеприимством принимая «гостей» и угощая часто последними сохранными для праздника продуктами. Крестьяне были невероятно затравлены, напуганы, недоверчивы. Помню одного мужика, моих лет, которого я по просьбе майора Шайбе расспрашивал о жизни при большевиках, причем майор сам задавал ему вопросы, которые я переводил на русский язык.

Вопрос:

«Рады ли русские приходу немцев?».

Ответ:

«Ну а как же, вестимо рады — ведь освободители».

В: «Очень плохо было у большевиков?».

О: «Ну а как же, вестимо плохо — ведь большевики».

И все в таком же роде.

А когда «допрос» закончился, мужик с любопытством спросил меня: «Видать, начальник здорово настроен противу советской власти?...». Тогда захотел я его «пощупать» иным способом: «Да, майор большевиков терпеть не может... Ну а скажите мне — я ведь не начальник, мне хочется правду знать: так ли уж плохо было?» — «Да как вам сказать? Вот, к примеру, я; раньше, при Николае, землицы у меня было мало, жилось плохо, а вот Советы пожалели — дали, от кулака, хорошую избу, самого-то его выгнали; сказать по справедливости, уж не так плохо жилось — да, не плохо!..»⁴⁸.

Вот и разберись в его словах! Одно ясно: боязнь «не попасть в тон», желание «угодить» допрашивающему заставляет его отвечать так. Нередко замечал я «прикидывающихся», старавшихся тебе угодить из боязни: кто там тебя разберет, как тебе отвечать следует?

Через пару дней, вдруг совершенно неожиданно в отделе снабжения появился новый «зондерфюрер», отрекомендовавшийся «долметшером». Майор Шайбе заявил ему, что это, очевидно, какое-то недоразумение, что у нас с первого же дня имеется переводчик. Был запрошен штаб дивизии⁴⁹ и оттуда подтвердили о замене меня новым, а вскоре прислали и соответственный приказ, причем для меня изготовлен был «марш-бефэль»⁵⁰ в Данциг. Майор Шайбе был сконфужен, видимо недоволен заменой и высказывал сожаление, что я покидаю отдел снабжения.

Мне был выдан «цеугнисс»⁵¹, в котором за подписью майора фон Шайбе указывалось, что все мои обязанности я выполнял лично и что освобождаюсь я от этой должности вследствие прибытия настоящего переводчика, германского подданного. Новый «долметшер» — немец, балтиец, только что окончил в Берлине специальную школу переводчиков⁵², был лет 35-38, очень жизнерадостный, видимо, любящий хорошо, весело пожить. Ему не по-

нравились многие наши порядки и полное отсутствие комфорта... «Как же я буду спать в автомобиле, да еще на ходу?!».

Вечером были устроены мне, тронувшие меня своей сердечностью, проводы. Я сидел между командиром и новым переводчиком. Помощник майора Шайбе, хауптманн Вольф, отсутствовал...

А еще через сутки, рано утром я покинул отдел снабжения вместе с артиллерийским транспортом, который шел в Дюнабург (Двинск) за снарядами, а сейчас отвозил туда военнопленных красноармейцев. Я поместился в легковой машине начальника транспорта и к ночи был уже в Двинске, который наполовину был разрушен. У меня была бумага, в которой говорилось, что я командируюсь в Данциг и была просьба оказывать мне во всем содействие. Поэтому весь мой путь прошел вполне благополучно, с удобствами и даже приятно: я везде получал хорошие ночлеги, питание (горячую пищу и сухой паек) и пользовался бесплатным проездом как штаб-офицер. Из Двинска до Ковно (Каунас) я доехал с транспортом воздухоплавательной эскадрильи, колонну которой на перекрестке шоссе остановил полевой жандарм и приказал взять меня с собою.

В пути я видел следы недавних танковых сражений: обгорелые и разбитые танки, автомобили, [их] железные части и братские могилы. В Ковно я пробыл ровно двое суток, пользуясь гостеприимством одной очень милой и доброй русской семьи, посещая местный православный собор и пригретый о. настоятелем и прочим духовенством. Из Ковно в Кенигсберг я доехал с полным комфортом, в великолепно оборудованном санитарном поезде. От Кенигсберга до Данцига — в обычном пассажирском поезде, в отдельном офицерском купе.

В данцигском генерал-комmando я являлся штабному оберсту, графу Цеппелину, который с интересом выслушал мой доклад: путь следования нашей колонны от Тильзита до Острова-Псковского. Домой, как гостинец, я привез черного (ржаного) хлеба — настоящего нашего русского хлеба. Лучшего подарка и быть не могло! Знакомые выпрашивали кусочек!..

Через несколько дней, получив у цольмайстера⁵³ расчет и сдав казенные вещи, предварительно снявшись в немецкой форме, я снова, из «долметшера и зондерфюрера Ходманна», стал русским эмигрантом Ходневым...

В октябре, по своему желанию окончил свою службу и полковник У.[краинцев]⁵⁴, а поручик А. еще раньше, будучи тяжело ранен ружейной пулей в грудь навывлет. По имеющимся у меня сведениям, из 17 переводчиков, одновременно со мною выехавших из Данцига, вернулись — 3, ранены — 6, пропали без вести — 2, оставались продолжительное время — 6, из коих двое (подполк. [овник] П.[ечерский] и шт.[абс]-кап.[итан] А.[лякритский]⁵⁵) награждены «железными крестами».

Со своими сослуживцами по отделу снабжения штаба 36-ой моторизованной дивизии я долгое время поддерживал письменную связь по полевой почте. Получил несколько фотографических снимков периода моего пребывания, где фигурирую и я, в штальхельме... К празднику Рождества Христова послал более близким мне маленькие подарки. Конечно, и майору фон Шайбе, о котором и доныне храню самые лучшие воспоминания. Какова судьба его, обер-лейтенанта Меркель и остальных моих сослуживцев — мне неизвестно... Живы ли они??..

Много разочарований пришлось пережить, не все было приятным, не все сослуживцы симпатичны. Но я сохраняю всегда хорошее воспоминание о «месяце в Германской Армии».

Интересно и поучительно было русскому офицеру пробить некоторое время в рядах у немцев, традиции которых мало изменились со времен 1918 года, когда армия Кайзера Вильгельма была по своему духу так близка нашей, Императорской.

...Что поделатъ — не судил Господь освободить тогда нашу Родину, не настали, видимо, еще сроки, и путь был, очевидно, не тот!...

Д. Ходнев

Glen Cove, L.[ong]I.[sland], N.[ew] J.[ersey]

14.I.1955

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово вычеркнуто красным карандашом.

² Слово вычеркнуто красным карандашом.

³ Объединение русских воинских союзов — формально независимая от РОВС организация, де-факто реформированный приказом от 22 октября 1938 г. II отдел (германский) РОВС. С оккупацией Германией европейских стран, несколько местных отделов РОВС влились в ОРВС.

⁴ Фон Лампе Алексей Александрович (1885–1967), генерал-майор Генерального штаба, глава II отдела РОВС, позже глава ОРВС. Принимал активное участие в попытках военной эмиграции поучаствовать в войне против СССР.

⁵ Упрощение. Германские власти в лице гестапо и внешнеполитического ведомства НСДАП строго следили за проводимой эмигрантскими группами политикой, однако в целом к право-монархическим и военным кругам русской эмиграции относились сдержанно-снисходительно.

⁶ Очевидный анахронизм. Изначальное письмо от 21 мая 1941 г. было адресовано начальнику верховного командования сухопутных войск (ОКХ) фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу. Не получив ответ, уже после вторжения в СССР Лампе повторил свое обращение к Браухичу, а 5 июля передал тот же самый адрес на имя Гитлера, чего Ходнев не мог знать, т.к. в тот момент уже находился на фронте. 1 августа Лампе получил ответ: «В настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии».

⁷ Не совсем так. Эмигрантам достаточно было обозначить и испытывать собственные надежды, т.е. Лампе просил дать возможность принять участие в борьбе, не зная, разделяют ли немцы его взгляды или нет. Из письма Браухичу: «Мы твердо верим, что в этом военном столкновении доблестная германская армия будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею и губящей ее коммунистической властью Совета Народных комиссаров, мы верим в то, что в результате этой борьбы придет мир и благополучие не только для Германии, но и для национальной России, верными которой остались мы, политические русские военные изгнанники, за все двадцать лет нашего пребывания вне Родины. Мы верим также, что в результате борьбы, которую ведет Германия, родится союз между Германией и Национальной Россией, который обеспечит мир в Европе и процветание Вашего и Нашего Отечества. [...] Я считаю своим долгом заявить Вашему Превосходительству, что я ставлю себя и возглавляемое мною Объединение русских воинских союзов в распоряжение германского военного командования, прося Вас, господин генерал-фельдмаршал, дать возможность принять участие в борьбе тем из чинов его, которые выразят свое желание это сделать и физически окажутся пригодными». НИА/Arkhangel'skiiPapers, Box 4. Письмо № 392, 21 мая 1941 г.

⁸ Бискупский Василий Викторович (1878–1945), генерал от кавалерии, сотрудничал с нацистами в ранний период их становления через организацию *Aufbau* («Возрождение»). В 1936 г. назначен главой Управления делами русской эмиграции (УДРЭ, *Russische Vertrauensstelle*) — подконтрольного немцам органа, отвечавшего за всю эмиграцию. ОРВС подчинялся УДРЭ. В том числе через эту организацию шло снабжение вермахта русскими переводчиками.

⁹ Елизаров Владимир Николаевич (?), уроженец Санкт-Петербурга, бывш. секретарь царского консульства в Гданьске. В годы войны занимал пост начальника опорного пункта УДРЭ. Пережил войну. Эмигрант Валентин Галин характеризовал Елизарова как доброго и отзывчивого человека, хорошо знавшего Данциг и имевшего множество связей. Оставил краткие воспоминания о деятельности УДРЭ: Елизаров В. «Так было...» // «Часовой». № 291, ноябрь 1949 г. С. 17.

¹⁰ В оккупированных Германией странах, где проживали русские эмигранты, создавались Опорные пункты УДРЭ, которые структурно подчинялись берлинскому центру во главе с Бискупским.

¹¹ Ошибка мемуариста. 1-я армия вермахта всю войну провела на Западном фронте, ее офицерам не было смысла подбирать себе русских переводчиков для войны против СССР. Речь идет о 4-й танковой группе.

¹² Кира Кирилловна (1909–1967), великая княжна, младшая дочь великого князя Кирилла Владимировича и великой княгини Виктории Федоровны.

¹³ Луи Фердинанд Прусский (1907–1994), прусский принц из рода Гогенцоллернов, претендент на германский престол. Свадьбу сыграли в 1938 г., в браке родилось семеро детей.

¹⁴ Речь идет о Свято-Николаевской церкви.

¹⁵ Три слова вычеркнуты красным карандашом.

¹⁶ Ошибка мемуариста. Правильно: 16.

¹⁷ Проблема набора переводчиков действительно существовала, однако данцигский отдел ОРВС был не единственным подразделением, к которому обратились немцы незадолго до войны с целью ограниченного набора русскоязычных кадров. Похожие мероприятия были проведены армейскими штабами в Болгарии, Германии и на оккупированной польской территории.

¹⁸ *Generalkommando* — командно-административный орган армейского корпуса или территории корпусного подчинения.

¹⁹ Полковник (нем.).

²⁰ В значении «вербовать добровольно или насильно». Люди, собиравшие армию для Фридриха-Вильгельма, курсировали по Европе и не гнушались никакими методами: если потенциальный кандидат не соглашался на соблазнительные посулы, применялось насилие и его похищали. При этом личное отношение самого новобранца менее всего принималось в расчет.

²¹ Речь идет о 18 июля 1914 г., когда был получен высочайший приказ о всеобщей мобилизации. В Лейб-Гвардии Финляндский полк приказ поздно вечером привез командир, генерал-майор Теплов; конверт был вскрыт. Согласно плану мобилизации, Ходнев отправлялся в распоряжение полковника Мачильского для приема запасных на центральный сборный пункт, находившийся в здании Петербургского университета. До вечера 22 июля с 6 утра и до поздней ночи Ходнев находился на сборном пункте.

²² Проживал в Польше. Настоятель церкви Воздвижения Креста Господня в г. Кузница Бялостока (Польша) Белостокско-Гданьской епархии Польской Православной Церкви (1946–1950), затем церкви Покрова Богородицы в г. Олштын (1950–1968).

²³ Украинцев Николай Петрович (ум.1972), военный юрист, полковник. Застал революцию 1905 г., принимал участие в Чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Корнилова, эмигрировал после революции и осел в курортном местечке Сопот под Данцигом. Женился, принял немецкое гражданство. Весной 1945 г. оказался эвакуироваться и был арестован, отправлен в Москву, после чего был осужден на 10 лет принудительных работ. В середине 1950-х гг. вернулся назад к семье в Германию.

²⁴ Оттенбахер Отто-Эрнст (1888–1975), генерал-лейтенант, командир дивизии в период до октября 1941 г.

²⁵ Калька с немецкого, *Nachschub*.

²⁶ Спасибо (нем.).

²⁷ Калька с немецкого, *Dolmetscher* — переводчик.

²⁸ Зондерфюрер (*Sonderführer*) — гражданский специалист с уникальными знаниями или умениями, временно направленный в войска, пока армия для выполнения их обязанностей не подготовит свои кадры. Это не было полноценное звание, а ранг (параллельная система), лишь приравненный к офицерскому чину на время выполнения обязанностей. Зондерфюрер не

являлся офицером, но носил униформу, по своему крою и атрибутам похожую на офицерскую; их можно было отличить по особым петлицам на воротнике и черно-красно-белым нитям на погонах.

²⁹ Еще одна любопытная aberrация самовосприятия: служить в германской армии не являлось зазорным, однако внешние формы этой службы в виде ношения «полноценной» униформы отторгались. Скорее всего, Ходнев носил китель без погон зондерфюрера, но с немецкими офицерскими петлицами, какой нередко носили переводчики в чине офицера (*Dolmetscherim Offiziersrang*).

³⁰ Т.е. до середины февраля 1941 г. Тем не менее, неясно как дивизия могла «находиться» у Роммеля, если сам он во время французской кампании командовал 7-й танковой дивизией.

³¹ Достаточно характерная апологетика «чистого вермахта». Антагонизм между частями вермахта и войск СС существовал, но это скорее было соревнование за престиж: армейские части, как и эсэсовские, впоследствии активно участвовали в истребительной политике. «Почти презрение» командира к эсэсовским частям — вероятно, подразумевалась некоторая «аморальность» или «новая нацистская мораль» — не помешало, преодолев первое предубеждение, исполнять приказы о снабжении армии «с земли» уже во время нахождения на советской территории, что живо описывает сам Ходнев.

³² Из письма неизвестного русского эмигранта, служившего в вермахте в группе армий Юг: «Способствует этому, конечно, и великолепная постановка с вопросом питания и очень удачное разрешение вопроса о взаимоотношениях между командным составом и солдатами как на службе, так и в частной жизни, и в питании. Офицеры едят то же, что и солдаты. Для примера беру вчерашний день (питание): утром — кофе черный, масло сливочное, мед. В обед — густой гороховый суп с мясом и кофе. Вечером — чай, масло, паштетная колбаса. Кроме того, 600 гр. хорошего хлеба, пачка леденцов (вместо сахара), 6 папирос, 4 раза в неделю на обед — второе блюдо (гуляш, котлеты, компот). Кроме того, в флягу наливают на целый день кофе или чай, чтобы не пить сырую воду».

³³ «Так точно, господин обер-лейтенант!» (нем.).

³⁴ «Господин переводчик» (нем.).

³⁵ Карандашная приписка: «4:15».

³⁶ Изначально написано «было», вычеркнуто красным карандашом.

³⁷ Как и другие соединения вермахта, 36-я моторизованная дивизия исправно исполняла директивы об обращении с политическими комиссарами от 6 июня 1941 г., предписывающие расстрел политических работников РККА как носителей враждебной идеологии. В период службы Ходнева (до сентября 1941 г.), 36-я дивизия осуществила следующие подобные казни: 1 июля 1941 г. (1 человек), 3 июля (3 человека), 4 июля (1 человек). Обращение с политруками относилось к сфере общего знания солдат вермахта и не являлось секретом. Скорее всего, Ходнев либо слышал какие-то разговоры, либо даже видел что-то подобное, однако не пожелал распространяться. *Römer F. Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2008. S. 604.*

³⁸ Очевидное упрощение ситуации: летом 1941 г. армейские части неоднократно расстреливали пленных. Лагерь военнопленных, смертность в которых является наибольшим из преступлений вермахта как института, также находились в ведении армии, а не СС.

³⁹ Уничтожение военнопленных было осознанной политикой командования вермахта. Лишь позже отношение к ним как к «лишним ртам»

и одновременным представителям враждебной расово-политической силы смилилось на отношение как к бесплатной и бесправной рабочей силе. *Штрайт* К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / Пер. с нем. *И. Дьяконова*, предисл. и ред. *И. Настенко*. М., 2009.

⁴⁰ Капитан (нем.).

⁴¹ Изначально написано «шелухи», вычеркнуто красным карандашом.

⁴² Скорее всего, речь идет о расформировании 3-й русской армии, формально подчиненной генерал-лейтенанту П.Н. Врангелю и после поражения в конце 1920 г. интернированной польскими властями. После этих событий, некоторые ее члены уехали в Сулеювек (Сувалки) близ Варшавы, где находились в специальном лагере. Там же находился и Ходнев до начала высылки русских из Польши и своего отъезда в Данциг.

⁴³ Согласно приказу корпуса от 28 июня, 36-я моторизованная дивизия должна была прикрыть северный флаг XXXI корпуса. 2 июля части корпуса должны были начать наступление от Якобштадта, и первыми должны были наступать части 118-го пехотного полка. Утром 2 июля было получено сообщение, что Мадона занята противником, оказывающим упорное сопротивление. Согласно журналу боевых действий 36-й моторизованной дивизии, немцы прошли Мадону в середине дня, взяли ее и через час захватили Цесвайну, город в нескольких километрах северо-западнее. Днем 3 июля в районе Мадоны советские войска предприняли контратаку: немцы полагали, что они прорываются на юго-восток, о скоплении танков и пехоты в 20 км северо-западнее города немцам сообщили латышские коллаборационисты из частей «самообороны». С советскими частями завязался бой, который поначалу велся 36-м мотоциклетным батальоном. Немцы контратаковали силами мотоциклетного батальона и 87-го пехотного полка и нанесли советским войскам серьезные потери, при незначительных своих: так, 2 июля немцы потеряли 14 убитыми, 41 ранеными, 1 пропавший без вести; 3 июля 16 человек были убиты, 25 ранены. 87-й пехотный полк остался в Мадоне для боевого охранения. Были также захвачены значительные трофеи. National Archive sand Records Administration (NARA). T-315. R. 898. F. 104, 113, 118–119. Благодарю В.А. Мосунова (Санкт-Петербург) за компетентную помощь в написании этого комментария.

⁴⁴ Еще одно любопытное искривление типично эмигрантской оптики, характерной для гражданского противостояния: солдаты армии противника одновременно являлись заклятыми политико-мировоззренческими врагами, но при этом и людьми того же этнокультурного корня, с которыми автор себя идентифицировал.

⁴⁵ Ходнев вновь ведет речь про бои в районе Мадоны: дивизия очень быстро прошла расстояние от Якобштадта до Мадоны, лишь ненадолго увязнув в боях.

⁴⁶ В собственном экземпляре карандашом сверху: пережить.

⁴⁷ «Приказ есть приказ» (нем.).

⁴⁸ Достаточно нехарактерный пример. В абсолютном большинстве писем и воспоминаний эмигрантов, крестьяне проклинают колхозы, евреев, советскую власть и нищету.

⁴⁹ В собственном экземпляре слово зачеркнуто, сверху: армии.

⁵⁰ Приказ выступать (нем.).

⁵¹ Свидетельство (нем.).

МАТЕРИАЛЫ

⁵² В Берлине при ОКВ существовал специальный отдел переводчиков (*Dolmetscher-Lehrabteilung*). Главой русской секции был известный славист, уроженец Санкт-Петербурга Максимилиан Федорович Браун (Студенский).

⁵³ Казначей (нем.).

⁵⁴ В собственном экземпляре хранится вложенная рукописная выписка из письма Украинцева Ходневу, 27 февраля 1957 г.: «...когда был арестован, то в Москве мог убедиться в том, что в руках следователей был список всех данцигских эмигрантов переводчиков-добровольцев; была в нем и Ваша фамилия. Если бы Вы не уехали вовремя из Лангфура, то в лагерях мы с Вами встретились бы обязательно. Ну да Бог миловал Вас...».

⁵⁵ Алякритский Сергей Александрович (1896-1972), участник Первой мировой войны, в годы Гражданской был в рядах Северо-Западной армии, позже в 3-й русской армии. После 1921 г. проживал в Данциге. После войны проживал в Мюнхене, был председателем Союза Георгиевских кавалеров в ФРГ.

Minerva Access is the Institutional Repository of The University of Melbourne

Author/s:

Beyda, O

Title:

'Mesiats v Germanskoi Armii.' Iz vospominanii D. Khodneva

Date:

2020

Citation:

Beyda, O. (2020). 'Mesiats v Germanskoi Armii.' Iz vospominanii D. Khodneva. Zhukov, DA (Ed.). Kovtun, II (Ed.). Posobniki. Issledovaniia i materialy po istorii otechestvennogo kollaboratsionizma, (Moscow), pp.382-422. 'Piatyi Rim' (OOO 'Bestseller').

Persistent Link:

<http://hdl.handle.net/11343/254308>

File Description:

Published version